

АРТУР КОНАН ДОЙЛ
ГЕРМАН СИРИЛ МАК-НЕЙЛ
ГИЛБЕРТ КИТ ЧЕСТЕРТОН
ДЖЕРОМ К. ДЖЕРОМ • ДЖОЗЕФ КОНРАД
ХАРВИ О'ХИГГИНС
ЭРНЕСТ УИЛЬЯМ ХОРНУНГ

ДЖЕНТЛЬМЕНЫ ПРОТИВ ИГРОКОВ

АРТУР КОНАН ДОЙЛ
ГЕРМАН СИРИЛ МАК-НЕЙЛ
ГИЛБЕРТ КИТ ЧЕСТЕРТОН
ДЖЕРОМ К. ДЖЕРОМ • ДЖОЗЕФ КОНРАД
ХАРВИ О'ХИГГИНС
ЭРНЕСТ УИЛЬЯМ ХОРНУНГ

ДЖЕНТЛЬМЕНЫ ПРОТИВ ИГРОКОВ

Сборник

УДК 821-312.4
Д40

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Перевод с английского

Дизайнер обложки *Сергей Ткачев*

ISBN 978-617-12-5686-6 (PDF)

- © Григорий Панченко, составление, 2018
- © Depositphotos.com / inxti74, обложка, 2018
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2018
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2018

АННА КЭТРИН ГРИН

Анна Кэтрин Грин — американская писательница, среди достижений которой — первое употребление термина «детектив» применительно к литературному произведению, а также один из первых детективных романов в мире, «Дело Левенфорта», написанный в 1878 году. Позднее сама Агата Кристи говорила, что эта книга оказала на нее огромное влияние. У А. К. Грин много литературных серий со сквозными героями, и среди них важное место занимает цикл рассказов о Вайолет Стрэндж — девушке очень хорошего происхождения (что не исключает потребности в деньгах, объясняющейся, правда, семейной тайной: не случайно цикл называется «Проблемы Вайолет Стрэндж»), которая ведет двойную жизнь, тайне от отца занимаясь частным сыском. Нередко, получая дело, она вовсе не уверена, что сможет его распутать, однако раз за разом ей сопутствует удача.

Некоторые акценты в этих историях расставлены, возможно, не так, как привычно для современного читателя, но мы встречались с подобным и в творчестве баронессы Орци.

Представляемый вашему вниманию рассказ — второй в серии из девяти историй, ставших в свое время весьма популярными. Он был впервые опубликован в 1915 году.

ТАЙНА ВТОРОЙ ПУЛИ

— Вы должны с ней встретиться.

— Нет.

— Она — самая несчастная женщина на свете. В один день она потеряла мужа и ребенка, а теперь еще и лишится всех средств к существованию. Одна надежда на то, что вам придет в голову светлая мысль, вдохновленная вашим недюжинным талантом, — мысль о том, как заставить страховую компанию удовлетворить ее требования. Страховая же после этих криков о самоубийстве отказывается платить.

Однако Вайолет Стрэндж продолжала отрицательно мотать головой.

— Мне очень жаль, но я недостаточно компетентна и слишком молода, чтобы браться за такое дело.

— Вы отказываетесь, даже несмотря на то, что можете спасти женщину, понесшую тяжелую утрату? Несмотря на то, что можете помочь ей получить то небольшое, что оставила ей жестокая судьба?

— Пусть этим занимается полиция.

— Они уже не справились с делом.

— Тогда займитесь вы.

— Я тоже не справился.

— И вы полагаете...

— Да, мисс Стрэндж. Я полагаю, что вы обнаружите пропавшую пулю и тем докажете, что жизнь Джорджа Хаммонда оборвалась вследствие убийства, а не самоубийства. Если же вы не справитесь, несчастную вдову ожидает долгая тяжба, которая закончится, как это обычно и бывает, в пользу более сильной стороны. Вот какова альтернатива. Если вы, встретившись с ней...

— Именно этого я и пытаюсь избежать. Если я встречу с ней, то поддамся ее просьбам и возьмусь за то, для чего мне явно не хватает квалификации. Мои инстинкты велют мне сказать «нет». Дайте мне дело попроще.

— Дела попроще не столь прибыльны. Если страховую компанию удастся вынудить заплатить, я смогу предложить вам...

— Сколько?

В ее тоне прозвучала сильная заинтересованность, хотя она и пыталась казаться равнодушной. Ее собеседник чуть заметно улыбнулся и назвал сумму.

Она была больше, чем могла ожидать мисс Стрэндж. Это ее гость определил по тому, как она прикрыла глаза и на миг застыла, пытаясь совладать с чувствами.

— И вы думаете, что я могу получить эти деньги?

Она подняла глаза и посмотрела на своего собеседника с искренним и откровенным энтузиазмом.

Он с трудом скрыл изумление, настолько очевидна была ее заинтересованность — и настолько непонятны причины этого. Ее гость знал, что мисс Стрэндж нуждается в деньгах, она говорила, что именно из-за этого стала заниматься такой необычной работой. Но что она нуждается так сильно... Он посмотрел на нее повнимательней. Она была одета просто, но очень дорого — в силу своей профессии он понимал, до какой степени дорого. Затем он окинул взглядом комнату, в которой они сидели. Вновь простота, но именно такая простота свойственна высокому искусству. Гостиная была убрана достаточно богато, чтобы можно было сказать, что с точки зрения человека с хорошим вкусом она утопает в роскоши: здесь царил неброское изящество, а каждый тщательно подобранный элемент декора работал на создание общего эффекта.

Чего же не хватало этой любимице фортуны, если ради денег она готова согласиться заниматься делом, которое ей так неприятно? Он не впервые задумывался над этим вопросом, но так и не нашел ответа, и, похоже, не отыщет его и сейчас. Но факт оставался фактом: гость мисс Стрэндж надеялся, что она согласится из сострадания, однако оказалось, что намного проще было сразу предложить ей крупное вознаграждение. Он вынужден был признаться, что несколько разочарован, хотя и оценил это открытие по достоинству.

Однако он недолго радовался ее согласию. Тот огонь, что зажегся было в ее глазах, в глубине которых таилось множество непостижимых тайн, быстро погас, вместо него блеснуло что-то похожее на слезу, и Вайолет Стрэндж произнесла тем решительным тоном, который кроме ее собеседника никто никогда не слышал:

— Нет. Сумма достойная, и я могла бы найти ей применение, но я не стану тратить время на дело, в которое не верю. Этот человек застрелился. Он был биржевым дельцом, наверняка у него имелись основания для такого поступка. Даже его жена признает, что в последнее время убытков у него было больше, чем прибыли.

— Встретьтесь с ней. Она хочет рассказать вам нечто, что в газеты не попало.

— Вы отвечаете за эти слова? Вам известно наверняка?

— Честное слово, мисс Стрэндж.

Вайолет еще какое-то время поразмыслила и наконец сдалась.

— Хорошо, пусть приходит. Только пусть не опаздывает. Я приму ее в три, а потом у меня чай, и я приглашена на два приема.

Ее гость поднялся, чтобы уйти. Следовало скрыть свое безграничное удовлетворение исходом дела, так что он перешел на более официальный тон. Отпустив гостя, мисс Стрэндж, как обычно, превратится в светскую красавицу, которую никак нельзя заподозрить в двойной жизни. Это он уже знал.

Произошло, в двух словах, вот что. Стояла душная сентябрьская ночь. В высотном здании, располагавшемся в верхней части Манхэттена, молодая супружеская пара никак не могла уснуть: за стеной орал младенец. В конце концов они поднялись с постели: он пошел покурить, а она — подышать свежим воздухом у окна. Ребенок все не успокаивался, и они решили, что очень мудро оставили попытки уснуть. И тут — было около двух часов ночи — неподалеку раздался резкий звук, весьма напоминавший выстрел.

Ему показалось, что звук шел сверху, ей — что сзади; они смотрели друг на друга в растерянности, как вдруг до них дошло: стало тихо. Ребенок замолчал. И в соседней квартире было так же тихо, как в их собственной. Так тихо... слишком тихо. В глазах обоих появился ужас.

— Это оттуда! — прошептала жена. — С мистером и миссис Хаммонд что-то случилось! Мы должны пойти и выяснить...

Ее слова, произнесенные дрожащим голосом, прервал окрик, донесшийся снизу. Они стояли у окна, и их случайно увидел проходивший мимо полисмен.

— У вас все в порядке? — крикнул он.

Мистер Сондерс немедленно высунулся из окна.

— У нас ничего не случилось, — ответил он (они жили на третьем этаже), — но я не уверен, что у соседей все хорошо. Нам кажется, мы слышали выстрел. Вы не могли бы подняться, офицер? Моя жена волнуется. Я встречу вас на лестничной площадке и провожу.

Полицейский кивнул и вошел в дом. Супруги торопливо оделись и к тому времени, как офицер поднялся на их этаж, были готовы сопровождать его.

Следует заметить, что в доме было совершенно тихо, пока полисмен не позвонил в дверь квартиры Хаммондов. Но как только он это сделал, отовсюду послышались голоса, наверху и внизу стали открываться двери — лишь та, перед которой стоял полицейский, оставалась запертой.

Он позвонил снова, более настойчиво, и снова никто не отзывался. Полисмен уже поднял руку, чтобы позвонить в третий раз, как вдруг из квартиры раздался слабый звук. Приложив ухо к двери, офицер услышал задыхающийся голос, который бормотал что-то неразборчивое. Потом кто-то долго возился с замком, и наконец дверь медленно открылась. За ней стояла женщина, наспех одетая и смертельно испуганная.

— О! — воскликнула она, увидев сперва лишь полные сочувствия лица соседей. — Вы тоже слышали это! Выстрел оттуда... оттуда... из комнаты моего мужа! Я не посмела зайти туда... Умоляю, посмотрите, не случилось ли чего! Там так тихо... так тихо, а ведь только что малыш плакал. Миссис Сондерс, миссис Сондерс, почему там так тихо?

И она осела на руки соседа. Рука, которой миссис Хаммонд указывала на дверь, упала и безвольно повисла вдоль тела; женщина была на грани обморока.

Полисмен строго взглянул на нее, отмечая, что она выглядит, словно только что поднялась с постели.

— Где вы были? — спросил он. — Определенно не вместе с мужем и ребенком, иначе бы вы знали, что там произошло.

— Я спала в гостиной, — все еще задыхаясь, ответила миссис Хаммонд. — Я не вполне... я... Ох, но почему же вы стоите и ничего не делаете? Там же мой малыш! Идите же, ско-

рей! — Силы вдруг вернулись к ней, и она вскочила. Ее глаза были широко распахнуты, а милое личико с правильными чертами стало блее ночной рубашки, которую она старалась спрятать, кутаясь в наскоро наброшенную одежду.

Полицейский не стал спорить. В следующее мгновение он уже пытался открыть дверь, на которую указывала женщина.

Дверь оказалась заперта.

Оглянувшись на женщину, съезжившуюся в комок и едва не вжимающуюся в пол, он заколотил в дверь, требуя открыть ее.

Ответа не последовало.

Он резко развернулся и снова посмотрел на миссис Хаммонд.

— Вы сказали, что в этой комнате ваш муж?

Она кивнула и слабо выдохнула:

— И ребенок.

Полисмен повернулся обратно, прислушался, потом подождал мистера Сондерса.

— Мы должны пробиться туда, — сказал он. — Хорошо упритесь плечом в дверь. Давайте!

Петли скрипнули, замок поддался (на следующий день полисмен взвесился и узнал, что весит сто двадцать пять килограммов), и наконец дверь с грохотом открылась.

Миссис Хаммонд, в ужасе скорчившаяся на полу, тихо вскрикнула и попыталась выпрямиться, чтобы рассмотреть лица обоих мужчин и понять, что же они видят в полумраке комнаты. А видели они нечто ужасное, такое, что заставило мистера Сондерса выскочить с криком:

— Забери ее отсюда! Забери ее в нашу квартиру, Дженни! Она не должна увидеть...

Не должна увидеть! Он понял бесполезность своих слов, когда посмотрел на миссис Хаммонд. Она поднялась на ноги, когда он появился, и теперь стояла, глядя на него, безмолвная и неподвижная, и в ее глазах плескался такой ужас, что мистер Сондерс впервые осознал, каким глубоким может быть человеческое горе.

Ужас, который был в его собственном взгляде, не шел ни в каком сравнение с этим. Если бы мистер Сондерс мог, он сбежал бы отсюда, лишь бы не отвечать на вопрос, который миссис Хаммонд задавала своим страшным взглядом и всем своим застывшим в неподвижности телом.

Возможно, пощадив его чувства, а может, щадя себя саму, именно она наконец нашла в себе силы прервать молчание, вымолвив то самое слово:

— Мертв?

Ответа не последовало. Да он и не был нужен.

— А мое дитя?!

О, что это был за крик! Кровь застыла в жилах каждого, кто слышал его. Он потряс мужчин и женщин — и тех, кто был в квартире, и тех, кто оставался за ее пределами. Затем, забыв обо всем на свете, она бросилась вперед. Жена и мать, она ворвалась в комнату и застыла рядом с полисменом, который тоже не остался равнодушным. Она стояла и смотрела на то, что в один миг сделало пустым и ее дом, и ее сердце.

Они лежали рядом, и обоим уже никто не помог бы: они были бесповоротно мертвы. Младенец задохнулся под весом отцовской руки, которая лежала на крохотной шее. А отец стал жертвой того самого выстрела, который они слышали. На его груди была кровь, а в руке — револьвер.

Самоубийство! Ужасная правда была ясна как день. Неудивительно, что молодую вдову хотели оградить от нее. Миссис Сондерс на цыпочках прокралась в комнату и обняла нетвердо стоящую на ногах, готовую упасть в обморок женщину. И не было слов, которыми она могла бы утешить несчастную, ведь говорить здесь было совершенно не о чем.

По крайней мере, им так казалось. Но потом женщина бросилась — не к мужу, к ребенку, вытащила его из-под удушающей руки, обняла, покрыла поцелуями и страшно кричала, чтобы скорее позвали доктора, а офицер порывался остановить ее, но не мог найти в себе сил сделать это. Он-то знал, что ребенок уже мертв, и, согласно правилам, его тело нельзя было передвигать до прибытия coronera. Но нет матери,

которой можно объяснить подобное, и потому он дал ей возможность сидеть на полу с ребенком на руках, пробовать вернуть его к жизни при помощи всех известных ей нехитрых уловок. Сам же полисмен тем временем отдал распоряжения дворнику и остался дожидаться прибытия врача и coronera.

Она все еще сидела так, пораженная горем, то глядя своего младенца, то пытаясь отыскать в его чертах признаки жизни, когда появился доктор и, лишь бросив на ребенка беглый взгляд, мягко взял его из рук матери и осторожно положил в колыбель, откуда незадолго до того достал его отец. Затем доктор снова повернулся к бедной женщине и увидел, что она уже стоит на ногах, поддерживаемая двумя соседями. Она поняла, что означали его действия, и приняла свою судьбу без жалоб. Впрочем, сейчас она, похоже, не могла ни говорить, ни делать что-либо. Теперь она смотрела на своего мертвого мужа, смерть которого, казалось, только сейчас осознала. Скорбела ли она по нему или негодовала из-за того, что он стал невольным убийцей ее ребенка? Трудно было судить; и когда она медленно подняла палец и указала на револьвер, крепко зажатый в вытянутой руке мертвеца, никто из присутствующих — а комната к тому времени уже была полна народу — не мог бы предположить, какие слова она произнесет, когда к ней вернется способность говорить.

А произнесла она вот что:

— А пуля что, пропала? Он вообще стрелял из этого револьвера?

Этот вопрос настолько очевидно был порожден помрачением ее рассудка, что никто и не подумал отвечать на него, чему она, казалось, весьма удивилась. По крайней мере, ничего более не говоря, она оглядела все стены и затем открытое окно, нижняя рама которого была полностью поднята.

— Вон же, посмотрите! — требовательно вскричала она, указывая на окно, и упала без сил прямо на руки подоспевших к ней людей.

Никто ничего не понял, но многие бросились к окну. За окном простирался большой пустырь, пока еще не разделенный

на участки и не застроенный, но все взгляды были прикованы вовсе не к нему, а к деревянным планкам для вьющихся растений, набитым на стену, на вид довольно крепким. Они вполне годились на роль лестницы, по которой можно было преодолеть расстояние от окна до земли.

Возможно, несчастная женщина пыталась привлечь внимание именно к ним? Может, она имела в виду, что версия о самоубийстве на самом деле не так уж очевидна?

Если так, то поразительно, сколь далеко способна зайти женская фантазия! Это или нечто подобное было написано на лицах присутствующих, но вдруг, ко всеобщему удивлению, до того бездействовавший полисмен подошел к стене, еле видной за наполовину задернутым балдахином, и изумленным возгласом привлек внимание остальных. На стене висело зеркало, и на нем звездой расходились трещины, как бывает, если в зеркало попадает пуля или метко брошенный камень.

— Он выстрелил дважды. Первый раз промахнулся, второй попал, — предположил офицер.

Мистер Сондерс, как раз вернувшийся из дальней комнаты, куда помогал отвести миссис Хаммонд, взглянул на разбитое зеркало и уверенно возразил:

— Я слышал только один выстрел, а я не спал, разбуженный бедным малышом. Дженни, ты слышала еще выстрелы? — спросил он, обернувшись к жене.

— Нет, — ответила она, однако без той убежденности, на которую он явно рассчитывал. — Я слышала только один выстрел, но он звучал странно. Я разбираюсь в оружии, — пояснила она офицеру, — мой отец служил в армии и с раннего детства учил меня обращаться с револьвером. Звук этого выстрела был слишком долгим, как будто он отдавался эхом. Уоррен, ты не обратил внимания?

— Что-то такое припоминаю, — признал ее муж.

— Он выстрелил два раза, просто очень быстро, — наставительно пояснил полисмен. — За зеркалом мы непременно найдем пулю на излете.

Однако по прибытии коронера пулю не нашли ни за зеркалом, ни в каком-либо другом месте, хотя обследовали все весьма тщательно. Единственная пуля нашлась в груди мертвого мужчины. Да и стрелял он, как выяснилось, только один раз: в барабане револьвера обнаружилось пять пуль. Так что в деле, казавшемся таким простым, обнаружались свои тайны, но заявление миссис Сондерс больше не принимали всерьез, как и разбитое зеркало, со всей очевидностью свидетельствующее, что в комнате был произведен второй выстрел.

Однако столь же очевидным казалось и то, что пуля, вошедшая в грудь ныне покойного биржевого дельца, не была выпущена из револьвера, зажатого в его руке. Никаких признаков выстрела в упор не обнаружили: следов пороха не было ни на пиджаке, ни на самом теле. Таким образом, неправильность наложилась на неправильность, и в конце концов появилась версия, что пуля, сразившая мистера Хаммонда, прилетела из окна, и в окно же улетела та, которую выпустил из своего револьвера он. Но для этого он должен был стрелять не оттуда, где его нашли мертвым, а его рана не позволяла предположить, что, получив ее, он смог бы проползти значительное расстояние или даже вообще сдвинуться с места, прежде чем скончался.

Коронер был человеком бдительным и добросовестным, так что он велел тщательнейшим образом обследовать территорию, на которую выходило злосчастное окно. Полиция прочесала все, однако поиски не дали никаких результатов, лишь обратили на себя внимание соседей. В итоге пошли слухи о некоем человеке, которого якобы видели здесь прошлой ночью и который якобы торопился пересечь пустырь. Однако более никаких деталей никто не сообщил, и даже описать этого таинственного человека никто не мог, так что этим слухам не придали бы особого значения, сочтя их досужими сплетнями, если бы миссис Хаммонд, узнав о них (вот ведь всегда найдется добрая душа, готовая разнести молву как можно дальше!), не вышла из апатии, в которую впала, и не вскричала бы в страшном волнении:

— Я так и знала! Я так и думала! Этот негодяй убил его из окна! Конечно, он не застрелился! — Однако вскоре ее пыльные восклицания перешли в стенания: — О, мой малыш! Мой бедный малыш!

Ее слова, даже если и были порождением расстройства рассудка, заслуживали внимания, по крайней мере, именно так решил добросовестный коронер, поэтому, как только представился случай и миссис Хаммонд оказалась в состоянии отвечать на вопросы, он принялся выяснять, какого именно «негодяя» она имела в виду и какие у нее имелись (или она полагала, что имелись) основания считать, что муж ее не свел счеты с жизнью, а был убит.

Именно тогда его бесконечное расположение к ней и сочувствие ее горю и стали постепенно сходить на нет. Миссис Хаммонд выслушала его вопросы, глядя на него холодным взглядом, и отвечала односложно и вместе с тем расплывчато. Она сказала «негодяй»? Она не помнит. Не стоит придавать слишком большое значение тому, что она сказала, обуянная горем. Она ведь буквально обезумела тогда. Однако в одном можно быть совершенно уверенным: ее муж не убивал себя, он слишком боялся смерти, чтобы так поступить. Кроме того, он был слишком счастлив для этого. Что бы там ни говорили люди, он очень любил свою семью и ни за что не захотел бы с ней расстаться.

Более ни коронеру, ни кому-либо еще не удалось от нее ничего добиться. Даже когда ее снова и снова с безжалостной настойчивостью спрашивали, как она объяснит тот факт, что ребенок лежал на полу, а не в своей колыбели, она отвечала лишь:

— Отец пытался его успокоить. Он страшно кричал, вам же говорили об этом люди, которым его плач не давал спать, и Джордж укачивал его. Когда в него попала пуля, он упал и в агонии задавил малыша.

— Укачивал ребенка, держа в другой руке заряженный пистолет? — резонно спрашивали ее.

На это ей было нечего ответить. Когда ей сообщили, что пуля, извлеченная из груди ее мужа, все-таки в точности такая

же, как пять пуль в барабане его револьвера, она признала, что револьвер принадлежал ему, и более того, он спал с этим револьвером под подушкой; но более не сказала ничего. И эта немногословность, равно как и ее манера держаться холодно и недружелюбно, говорили не в ее пользу.

Коронерское жюри вынесло вердикт, что причиной смерти мистера Хаммонда было самоубийство, и страховая компания, в которой он незадолго до того застраховал свою жизнь на крупную сумму, заявила, что не станет выплачивать страховое возмещение, так как в случае суицида оно, согласно договору, не выплачивается.

Таковыми были обстоятельства, известные широкой публике, и их же сообщили Вайолет Стрэндж в тот день, когда попросили ее встретиться с миссис Хаммонд и выяснить, что могло бы переменить ее мнение по поводу справедливости вердикта и позиции страховой компании «Шалер».

Часы на каминной полке розового будуара мисс Стрэндж пробили три, и Вайолет смотрела на дверь в некотором нетерпении; наконец раздался негромкий стук, и горничная (не молоденькая, а одна из пожилых) возвестила о прибытии долгожданной посетительницы.

— Вы миссис Хаммонд? — спросила Вайолет, с понятным трепетом глядя на затянутое в черное фигуру, так выделявшуюся на темно-розовом фоне комнаты, оформленной в стиле морской раковины.

Вместо ответа гостя медленно подняла вуаль, скрывавшую черты, известные Вайолет лишь из газет.

— А вы... мисс Стрэндж? — запинаясь, произнесла она. — Та самая молодая леди, которая...

— Да, это я, — ответила Вайолет любезно и вместе с тем твердо. — Я — та, к кому вы пришли. И это — мой дом. Однако эти обстоятельства не делают меня менее заинтересованной в бедах людей и менее искренне жаждущей помочь. Вас, конечно, настигли две самые большие потери, которые только могут случиться в жизни женщины, — я знаю вашу

историю достаточно хорошо, чтобы говорить так... Но чем вы можете доказать, что не потеряете в придачу еще и тот доход, в ожидании которого уже понесли убытки? Надеюсь, вам есть что ответить на этот вопрос, иначе я не смогу вам помочь; надеюсь, существует нечто, что вы должны были сказать коро-нерскому жюри, но не сказали.

Внезапный румянец на щеках юной вдовы лишь добавил ей утонченности, однако она ничего не ответила. Румянец схлынул так же быстро, как появился, и Вайолет, впечатленная этим зрелищем (хотя она и сама не знала отчего, ведь более миссис Хаммонд ни словом, ни жестом не пыталась звать о помощи или обращаться к чувствам собеседницы), пододвинула к гостье кресло и настойчиво попросила ее присесть.

— Здесь никто не помешает нашей беседе, — сказала она. — Когда вы достаточно освоитесь, я буду рада вас выслушать. За стены этой комнаты ваши слова не выйдут. Я не могла бы делать то, что делаю, если бы считала нужным рассказывать кому-либо то, что рассказывают мне.

— Но вы так молоды и так... так...

— Так неопытны, вы хотели сказать? И так явно принадлежу к тому, что жители Нью-Йорка называют «обществом»? Пусть это вас не беспокоит. Моя неопытность — дело времени, а мое положение скорее помогает в работе, нежели мешает.

И Вайолет улыбнулась — не той ослепительной улыбкой, которую нередко можно было увидеть на ее губах, а скорее ободряюще. Молодая вдова с бросающейся в глаза горячностью спросила:

— Вам известны факты?

— Я прочла все, что писали в газетах.

— На слушании мне не поверили.

— Потому что вы вели себя так, что...

— Я не могла вести себя иначе. Я недоговаривала, а так как хитрить я не умею, то не сумела делать это естественно.

— Но почему вы недоговаривали? Почему вы не рассказали все как было, когда увидели, что ваша неразговорчивость производит неблагоприятное впечатление?

— Потому что мне было стыдно. Потому что я полагала, что молчание навредит мне меньше. Теперь я так не считаю, но тогда считала, и потому совершила эту огромную ошибку. Тут следует помнить, что я была не только глубоко потрясена двойной потерей, но и терзалась чувством вины; ведь мы с мужем повздорили той ночью, очень сильно повздорили, потому я и сбежала в другую комнату, а вовсе не потому, что была нездорова и меня выводил из себя плач ребенка.

— А люди подумали именно об этом, — безжалостно произнесла недосказанное мисс Стрэндж. — Вы хотите рассказать о вашей ссоре? Думаете, это поможет?

— Не уверена. Но мне нужно рассказать об этом для очистки совести, а потом попробовать убедить вас, что не имеет значения, ссорились мы или нет: он никогда не покончил бы с собой. Не таким он был человеком. Мой муж невероятно боялся смерти. Не хотела бы говорить об этом, но он был самым настоящим трусом. Я видела, как он бледнел при малейшем признаке опасности. Он не смог бы наставить на себя оружие, и это так же верно, как то, что он не смог бы наставить его на ребенка. Мисс Стрэндж, его застрелила чужая рука: вспомните открытое окно, разбитое зеркало... И я думаю, что знаю, чья это была рука.

Она уронила голову на грудь. Сейчас она производила впечатление не глубоко скорбящего, но преисполненного глубокого стыда человека.

— Вы думаете, что знаете, кто это был? — Голос Вайолет понизился до шепота. Она ведь только что услышала обвинение в убийстве.

— К моему огромному сожалению, да. Когда мы с мистером Хаммондом поженились, — теперь вдова говорила полным решимости тоном, — был еще один мужчина, очень несдержанный и горячий. У дверей церкви, где нас обвенчали, он поклялся, что мы с Джорджем не проживем вместе и двух полных лет. Так и случилось. Мы должны были отпраздновать вторую годовщину в ноябре.

— Но...

— Позвольте мне сказать вот что: ссора, о которой я упоминала, не была настолько серьезна, чтобы толкнуть Джорджа на подобный шаг. Нужно совершенно не иметь разума, чтобы покончить с собой из-за такого пустяка. Это слишком даже для того человека, о котором шла речь, хотя мы говорили о нем в тот вечер: мистер Хаммонд как раз столкнулся с ним нос к носу в метро. Начиная с дня нашей свадьбы и до той встречи мы не видели его и ничего о нем не слышали.

— И вы считаете, что этот человек, которого вы вскользь упомянули, затаил обиду так крепко, что выследил, где вы живете, забрался по той импровизированной лестнице к вам с целью совершить убийство и выстрелил в фигуру, едва различимую в свете приглушенной газовой горелки?

— Человеку, ведомому мстью, не нужен яркий свет, чтобы разглядеть врага, особенно если сам он скрывается во тьме.

Мисс Стрэндж понизила голос.

— А ваш муж? Приходится признать, что он-то точно выстрелил, независимо от того, стреляли ли в него.

— Это была самозащита. Он вполне был способен выстрелить, защищая свою жизнь — или жизнь ребенка.

— Но для этого он должен был слышать или видеть...

— Человека в оконном проеме.

— И выстрелить прямо туда?

— Или постараться.

— Постараться?

— Да. Тот человек выстрелил первым — о, я много размышляла обо всем этом! — и поэтому мой муж промахнулся. Это его пуля рикошетом разбила зеркало.

— И что же случилось потом? — Горящие глаза Вайолет сузились. — Почему не могут найти пулю?

— Потому что она вылетела в окно! Отскочила от зеркала и вылетела в окно, — торжествующе провозгласила миссис Хаммонд. Она выглядела воодушевленной и энергичной. Вайолет посмотрела на нее с сочувствием.

— Но как пуля, отскочив от зеркала, могла долететь до окна, расположенного на другом конце комнаты?

— Я не знаю, но так и было, — последовал довольно нелепый ответ.

— Что стало предметом вашей ссоры с мужем? Видите ли, я должна знать всю правду в мельчайших деталях, чтобы помочь вам.

— Мы поссорились из-за... из-за того, хорошо ли я смотрю за ребенком. Мне невероятно сложно произнести это, но Джордж полагал, что я недостаточно ревностно исполняю свой материнский долг. Он сказал, что ребенок не должен так плакать, что если бы я уделяла ему достаточно внимания, малыш бы не мешал спать ему и соседям полночи. А я... я рассердилась, ответила, что делаю все, что в моих силах, но ребенок ужасно капризный, и если моего мужа не устраивает, как я им занимаюсь, он может попробовать сам. Я была, конечно, очень неправа, как и показало жестокое наказание, последовавшее за моими неразумными словами.

— Как же вышло, что вы ушли от мужа и ребенка?

— Муж стал кричать на меня, обругал. Когда я услышала его брань, то поднялась с постели и сказала, что ухожу спать в другую комнату и что если ребенок будет плакать, он может попробовать сам его успокоить, как считает нужным.

— И что же он ответил?

— О, я не забуду этого до конца жизни! Он сказал: «Если ты уйдешь, не жди, что я введу тебя снова, что бы ни случилось».

— Он так сказал?

— И запер за мной дверь. Вот видите, я не могла рассказать об этом.

— И все же лучше бы вы рассказали. Это была обычная ссора, она совершенно точно не могла спровоцировать подобную трагедию.

Миссис Хаммонд ничего не ответила. Было несложно понять, что она не особенно скорбит о муже. Но он ведь был не очень-то достойным человеком и явно не ровня ей.

— Вы не были с ним счастливы, — предположила Вайолет.

— Я не могу сказать, что была полностью удовлетворена жизнью. Но все же муж не имел оснований упрекать меня,

кроме того, о чем я упомянула. Я оказалась не очень хорошей матерью. Но если бы мой ребенок остался жив — о, если бы только он остался жив! — как преданно я ухаживала бы за ним!

Она воздела руки, безмерно взволнованная. Вайолет вздохнула, глядя на нее. Не пытаясь более скрывать сочувствие, мисс Стрэндж очень мягко произнесла:

— Ребенку теперь хорошо.

Несчастливая мать на миг застыла, потом покачнулась и разразилась рыданиями.

— Но мне плохо, понимаете, мне! Одиночество и опустошенность, вот что у меня осталось. Даже дома, где можно было бы укрыться и скорбеть, у меня нет и вряд ли будет.

— Но ваш муж ведь оставил вам что-то? — возразила Вайолет. — Неужели вы теперь совсем без денег?

— Мой муж не оставил мне ничего, — с горечью ответила миссис Хаммонд. — У него были долги. Мне придется их выплатить. Когда я сделаю это и покрою необходимые издержки, останутся сушие крохи. Джордж и не скрывал, что живет не вполне по средствам. Потому его и убедили застраховать жизнь. Все его друзья знали о его расточительности. У меня... у меня даже драгоценностей нет. Только абсолютная убежденность в том, из-за чего на самом деле умер мой муж.

— Как зовут того человека, который, как вы полагаете, застрелил вашего мужа из окна?

Миссис Хаммонд назвала имя. Вайолет оно было незнакомо. Сообщив об этом, она спросила:

— Что еще вы можете рассказать мне о нем?

— Ничего, кроме того что он очень смуглый и прихрамывает.

— Ох, какую же вы совершили ошибку!

— Ошибку? Да, я это признаю.

— Я о том, что вы не сказали полиции, что тот мужчина прихрамывает. Его ведь можно было найти по этому признаку! Хотя бы отличить его следы среди прочих. Его могли бы найти в тот же день. А теперь от чего нам отталкиваться в поисках?

— Вы правы, но тогда, когда я не думала, что со страховым возмещением могут возникнуть проблемы, мне казалось, что благороднее будет промолчать. Ведь все, что у меня было, — это лишь догадки. Я уверена, что мой муж не покончил с собой, его застрелили, но не представляю, как это можно доказать. А вы?

Вайолет поговорила с миссис Хаммонд серьезно, указав, что надежда лишь на то, что удастся найти вторую пулю, причем найти в комнате, которую уже внимательно обыскиали именно на предмет этой второй пули, но не обнаружили даже следа ее.

Остаток дня Вайолет провела за чаем, мюзиклом и танцами. И не было никого с более живым взглядом и более заразительным остроумием, чем она, но вот настала полночь, и те, кто видел ее в сиянии электрических ламп, не узнали бы эту любимицу судьбы в женщине, которая в неверном свете газовой горелки со всем усердием изучала стены и потолок квартиры в жилом квартале. Вайолет Стрэндж в обществе ничем не напоминала Вайолет Стрэндж, погруженную в свою работу, столь необычную и столь старательно скрываемую ото всех.

Дома она сказала, что заночует у подруги, но лишь ее шофер знал, кем была эта подруга. Так что теперь она испытывала гамму чувств, к которой примешивалось и чувство вины за очередной обман. Итак, она находилась в полном одиночестве на месте преступления, и следовало полностью раствориться в нем и отождествить себя с мужчиной, скончавшимся здесь, чтобы раскрыть это преступление.

Она попыталась думать не как Вайолет Стрэндж, а как тот мужчина, и действовать так, как действовал он, этот человек невеликой смелости, оказавшийся в ту ночь наедине с занемогшим ребенком.

Он был не в ладах с собой, с женой, да и младенец, кричащий в колыбели, наверняка раздражал его. Что бы он стал делать в столь бедственном положении? Сначала ничего, но плач не стихал, и он, наверное, вспомнил рассказы родителей о том,

как они ходили взад-вперед, укачивая детей, и поспешил последовать их примеру. Пытаясь максимально вжиться в образ, Вайолет подошла к колыбели и начала расхаживать по комнате, пытаясь найти место, откуда можно было бы выстрелить так, чтобы пуля отрикошетила от зеркала и вылетела в окно. (Не то чтобы она была готова принять версию миссис Хаммонд, но и отбрасывать ее, хотя бы не попытавшись проверить, не собиралась.) И она нашла такое место — в той части комнаты, о которой едва ли могла подумать: почти у изголовья кровати, совсем не там, где было обнаружено тело. Казалось, это должно было еще больше все запутать, но, напротив, послужило ключом к разгадке одной из тайн. Если бы мистер Хаммонд стоял здесь и, как полагала его жена, испугался странных звуков в другом конце комнаты, он не смог бы дотянуться до подушки и достать спрятанный пистолет, разве что ему пришлось бы опуститься на корточки и так добраться до нужного места. Тогда он смог бы встретить опасность во всеоружии.

Пытаясь и в этом действовать, как мистер Хаммонд, Вайолет присела и, продвигаясь на корточках, добралась до того места, откуда могла дотянуться до подушки, и вдруг новое открытие заставило ее замереть, вперив взор в ближайшую стену. Она увидела то, что должен был увидеть мистер Хаммонд, сделав то же движение: темные полосы в отражающемся в зеркале окне, — и сразу поняла, что случилось. В крайнем волнении, охваченный смертельным ужасом, Джордж Хаммонд принял отражение окна за само окно и выстрелил в мужчину, которого, вне всякого сомнения, увидел. Это объясняло разбитое зеркало, однако неразрешенным оставался ключевой вопрос: куда делась пуля? Была ли она выпущена под достаточно острым углом, чтобы пролететь по диагонали и исчезнуть за окном? Нет; даже если бы мужчина держал револьвер ближе к себе, чем можно предположить, пуля все равно угодила бы в стену.

Но там не было никаких следов. Значит, ей не хватило импульса, и до стены она не долетела, а упала по дороге, и тогда...

Мисс Стрэндж оглядывала пол, и тут ее внимание привлекло то место, где были найдены тела. Воображение живо нарисовало ей эту ужасную картину: истекающего кровью отца и его задушенное дитя. Если бы она только смогла понять... Внезапно она вскочила и какое-то время стояла, глядя невидящим взглядом прямо перед собой. Неужели ей в голову наконец пришла та самая мысль, которая единственно возможным образом объясняла все?

По-видимому, так и было: постепенно на ее лице появилась уверенность — и ужас оттого, что перед внезапно обретенным знанием она почувствовала себя совсем крошечной и совершенно беззащитной.

Полчаса спустя миссис Хаммонд, встревоженная тем, что мисс Стрэндж совсем не слышно, открыла дверь в комнату и обнаружила лежащую на пороге визитную карточку, на которой торопливым почерком было написано вот что: «Я почувствовала себя дурно и вызвала шофера, чтобы он отвез меня домой. В ближайшие дни я или напишу вам или встречу с вами. Но не позволяйте себе надеяться. Умоляю: ни малейшей надежды! Исход дела все еще непредсказуем».

Когда на следующее утро наниматель Вайолет зашел к себе в кабинет, его там ждала дама под вуалью, в которой он немедленно узнал свою помощницу. Она не сразу подняла вуаль, но когда наконец сделала это, он усомнился, разумно ли было поручать ей такое дело. Увидев ее лицо, осунувшееся и несчастное, он практически уверился в том, что совершил ошибку.

— Вы потерпели неудачу, — констатировал он.

— Ну, об этом вам судить, — ответила Вайолет и, приблизившись, прошептала что-то ему на ухо.

— Нет! — пораженно вскричал он.

— Подумайте сами, — негромко произнесла она, — подумайте. Только так можно объяснить все факты.

— Я проверю это, обязательно проверю, — серьезно пообещал он. — Если вы правы... Впрочем, не важно. Идите

домой и совершите верховую прогулку в парке¹. Будут новости — я вам сообщу. А до того времени забудьте обо всем этом. Слышите? Я вам приказываю выбросить из головы все, кроме балов и вечеринок.

И Вайолет подчинилась.

Прошло несколько дней, и на глаза ей попала статья в газете. Там было написано следующее:

«Благодаря блестящему расследованию, проведенному ***, известным частным детективным агентством, страховое требование, предъявленное миссис Джордж Хаммонд страховой компании «Шалер», судя по всему, будет удовлетворено без судебного разбирательства. Как помнят наши читатели, заявительница с самого начала утверждала, что пуля, оборвавшая жизнь ее супруга, была выпущена не из того револьвера, который был найден зажатым в его руке. Однако, ввиду отсутствия доказательств этого (следы второй пули не были обнаружены), был вынесен вердикт о самоубийстве, вследствие чего компания отказалась платить.

Но теперь вторую пулю нашли! И где? В самом поразительном месте на свете, а именно в гортани мертвого младенца, который лежал на полу рядом с отцом, как предполагалось, задохнувшись под весом отцовской руки. Версия, судя по всему, единственно верная, такова: отец, услышав со стороны окна подозрительный шум, положил на пол ребенка, которого перед тем укачивал, добрался до постели, достал револьвер и, по ошибке приняв отражение убийцы за самого убийцу, выстрелил в зеркало в тот самый миг, когда незваный гость спустил курок такого же револьвера. И именно его пуля достигла цели и убила мистера Хаммонда, тогда как пуля, выпущенная несчастным отцом, отрикошетила от зеркала и упала на пол. Там ее подобрал младенец и, что наиболее естественно для него, немедленно отправил в рот. Возможно, еще горячая пуля обожгла его горлышко, а может, он попросту испугался резкого движения отца, в предсмертной агонии пытавшегося до-

¹ Скорее всего, имеется в виду Центральный парк в Манхэттене.

тянуться до него; так или иначе, малыш сглотнул, пуля попала не в то горло, и он задохнулся.

Вследствие агонии рука отца упала в точности на горло младенца. Это была одна из тех роковых случайностей, которые сбивают с толку следствие и направляют его по ложному пути в шаге от разгадки.

Миссис Хаммонд можно лишь поздравить с тем, что на свете существуют детективы, не слишком доверяющие внешним признакам.

Источник в полиции утверждает, что в скором времени человек, выпустивший смертоносную пулю, будет пойман».

Перевод Мариш Великановой

СОДЕРЖАНИЕ

НЕКАНОНИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Сапер (Герман Сирил Мак-Нейл)	7
Тринадцать свинцовых солдатиков (Пер. С. Удалина)	9
Артур Конан Дойл	30
Случай в полку (Пер. Г. Панченко)	32
О Холмсе и спиритизме (Пер. К. Чешко)	45
Ирвин Ш. Кобб	51
Последняя атака кавалерии Форреста (Пер. М. Акимовой)	52
Хискич Хискич-Причард	83
Семеро лесорубов (Пер. С. Удалина)	84
Джозеф Конрад	102
История (Пер. С. Кобяковой)	102

ЛЕДИ-ДЕТЕКТИВЫ И ЮНЫЕ ДЕТЕКТИВЫ

Баронесса Орци	125
Смерть в Найнскоре (Пер. В. Малаховой)	127
Кэтрин Луиза Пиркис	148
Черная сумка, оставленная у дверей (Пер. М. Великановой)	148
Анна Кэтрин Грин	174
Тайна второй пули (Пер. М. Великановой)	174
Харви Дж. О'Хиггинс	196
Детектив на побегушках (Пер. Л. Мининой, М. Великановой)	197

ПОБЕДА «ЧЕРНОГО КОРОЛЯ»

Эрнест Уильям Хорнунг	221
Джентльмены против игроков (Пер. М. Великановой)	222

Грант Аллен.....	244
Дело о старом мастере (Пер. А. Немировой).....	245
Ричард Марш	263
Сигнализация (Пер. А. Немировой).....	264

ДЕТЕКТИВ С УЛЫБКОЙ

Джеймс Барри.....	279
Мой вечер с Шерлоком Холмсом (Пер. О. Образцовой)	281
Покойный Шерлок Холмс (Пер. О. Образцовой)	285
Эллис Паркер Батлер	291
Фило Габб, детектив-заочник (Пер. М. Великановой)	292

С БОЖЬЕЙ ПОМОЩЬЮ

Мелвилл Д. Пост.....	325
Другая рука (Пер. М. Маковецкой, Г. Панченко).....	327
Джером К. Джером	344
Труды и свершения Иосифа Праведного (Пер. Г. Панченко)	344

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ДЕТЕКТИВ

Грегори Сквайрз	365
Дело об именной пуле (Пер. С. Удалина, Г. Панченко).....	366
Гилберт Кит Честертон	386
Мистер Дэчери — это мисс Твинклтон? (Пер. А. Немировой).....	387

Літературно-художнє видання

Джентльмени проти гравців

(російською мовою)

Збірка

Укладач *Григорій Панченко*

Керівник проекту *В. А. Тютюнник*

Відповідальний за випуск *К. В. Озерова*

Редактор *А. О. Колюбакина*

Художній редактор *В. О. Трубчанинов*

Технічний редактор *В. Г. Євлахов*

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля»

Св. № ДК65 від 26.05.2000

61140, Харків-140, просп. Гагаріна, 20а

E-mail: cop@bookclub.ua

Литературно-художественное издание

Джентльмены против игроков

Сборник

Составитель *Григорий Панченко*

Руководитель проекта *В. А. Тютюнник*

Ответственный за выпуск *Е. В. Озерова*

Редактор *А. А. Колюбакина*

Художественный редактор *В. А. Трубчанинов*

Технический редактор *В. Г. Евлахов*

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»

Св. № ДК65 от 26.05.2000

61140, Харьков-140, пр. Гагарина, 20а

E-mail: cop@bookclub.ua

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093) 170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: **www.bookclub.ua**
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Для оптовых клиентов

Харьков

тел./факс +38(057)703-44-57
e-mail: trade@ksd.ua

Киев

тел./факс +38(067)575-27-55
e-mail: kyiv@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству
авторов**

e-mail: publish@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству художников,
переводчиков, редакторов**

e-mail: editor@ksd.ua

Найкращі детективні історії від популярних американських і британських письменників. Класичні сюжети, улюблені герої, несподівані повороти подій, похмурі таємниці, злами, грабунки — справжня детективна романтика. Персонажі, що стали еталоном детективу — Шерлок Голмс, Бульдог Драммонд, Філо Габб. Справжні герої, яким до снаги розкрити будь-який злочин, і геніальні шахраї, котрі вправно обдурять навіть славетного сищика; леді-детективи й підлітки, що розплутують надскладні кримінальні схеми; комічні сищики й сищики-священники... Пориньте у дивовижний світ, де доведеться розгадувати цікаві загадки і будувати логічні ланцюжки.

Джентльмены против игроков : сборник / А. К. Дойл и др. ;
Д40 сост. Г. Панченко ; пер. с англ. — Харьков : Книжный Клуб
«Клуб Семейного Досуга», 2018. — 400 с.

ISBN 978-617-12-5686-6 (PDF)

Самые лучшие детективные истории от популярных американских и английских писателей. Классические сюжеты, любимые герои, неожиданные повороты событий, мрачные тайны, взломы и грабежи — настоящая детективная романтика. Персонажи, ставшие эталоном детектива — Шерлок Холмс, Бульдог Драммонд, Фило Габб. Настоящие герои, которым под силу раскрыть любое преступление, и гениальные мошенники, которые ловко обманут даже самого знаменитого сыщика; леди-детективы и подростки, распутывающие сложнейшие криминальные схемы; комические сыщики и сыщики-священники... Погрузитесь в удивительный мир, где придется разгадывать интересные загадки и строить логические цепочки.

УДК 821-312.4